

УДК 343.3(47)
ББК 66.041.33

В.В. Лунеев,
доктор юридических наук, профессор

РОССИЙСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПОЛИТИКА И РЕАЛИИ

В первом разделе статьи рассматривается понятие экстремизма, дается его классификация. Проводя анализ уголовного законодательства России и других стран, автор приходит к выводу, что в настоящее время нет достаточных оснований считать, что понятие экстремизма в российском праве отвечает фундаментальным требованиям теории и международной практики уголовного права.

Во втором разделе дается анализ всех законодательных инициатив, направленных на борьбу с экстремизмом, отмечается их избыточность и политизация.

Ключевые слова: экстремизм, политика, экстремистская деятельность, борьба с экстремизмом.

V.V. Luneyev,
Doctor of Law, Professor

RUSSIAN EXTREMISM: POLITICS AND REALITY

The first part of the article examines the concept of extremism and offers its classification. Having analyzed the criminal legislation of Russia and of other countries the author comes to the conclusion that there are no sufficient grounds at present to believe that the concept of extremism in the Russian law corresponds to the fundamental requirements of the theory and international practice of criminal law.

The second part of the article analyzes all legislative initiatives aimed at fighting extremism and points out their redundancy and politicization.

Key words: extremism, politics, extremist activity, fighting extremism.

*Существует мнение, что между крайними
точками зрения лежит истина.
Никоим образом! Между ними лежит проблема.
Иоганн Вольфганг Гете*

1. Понятие экстремистских деяний, свойственных России

Экстремизм французское слово «extremisme», которое, в свою очередь, произошло от латинского «extremus» – крайний. Применительно к людям – это лицо или группа людей, приверженные к крайним радикальным взглядам, применяемым мерам или реализуемым принципам. В социальной жизни экстремизм может привести к реформам, революции, бунту, кровавому восстанию, террору, смене власти и даже общественного строя. Но экстремизм, как та или иная крайность, наблюдается в различных сферах деятельности, который может в зависимости от ситуации получать в обществе позитивную или негативную оценку. Экстрим в науке, литературе, спорте, моде, скульптуре, других видах искусства может привести к переменах, инновациям, новым течениям, новым школам. Поэтому придание экстремизму

только негативного и особенно политически преступного характера, что характерно для современной России, является глубоко односторонним, ошибочным или, по крайней мере, сомнительным уголовно-правовым и криминологическим решением.

Это слово в бытовой и профессиональной лексике (экстремальный, экстрим) приобрело широкое хождение лишь в последние годы. В праве оно встречается для подчеркивания термина особого значения: extra (особая палата), extradition (выдача преступника), extrajudicial (внесудебный), extremity (крайняя необходимость) и т. д. Но для характеристики того или иного преступного деяния или для описания его особенностей ни в одном из европейских и американских кодексов оно не используется. Однако Россия, склонная к западным и международным юридическим терминам, порой пытается идти своим путем. Она ввела такие виды преступлений, как экстремистские, которые охватывают около двух десятков деяний политизированной мотивации и которых практически нет в других странах. Разобраться в этом не так просто.

Любое отклонение от официальной по-

литической позиции (поскольку каких-либо основ научного истолкования этому нет), можно при желании квалифицировать как радикализм и экстремизм. История появления таких деяний долгая и сложная. Мы коснемся этих исторических тенденций ниже. Сейчас же разберемся с реальным понятием экстремизма, которое воспринято нашей уголовно-правовой наукой, оценивая его лишь в криминальном плане. Но это еще не все. Термин «экстремизм» приобрел не просто криминальный, но криминально-политический характер. И этим содержанием исчерпывается все его правовое значение.

В криминологической и политологической литературе рассматриваются различные классификации экстремизма. Классификационными критериями выступают методы воздействия: 1) использование физического насилия (лишение жизни, причинение вреда здоровью, ограничение свободы и т. д.); 2) уничтожение материальных объектов (поджог, разрушение объектов); 3) морально-психологическое насилие (угрозы, шантаж, распространение панических слухов).

По характеру влияния экстремизм может быть внутренний и международный. Экстремисты бывают «правые» и «левые», национал-социалистические, патриотические и даже фашистские. Политологи склонны рассматривать экстремизм вместе с терроризмом, незаконными вооруженными формированиями, захватом заложников, массовыми беспорядками и другими видами преступной деятельности [2]. Что же понимает закон под экстремистской деятельностью, экстремистской организацией и экстремистскими материалами?

Экстремистская деятельность (экстремизм) в многократно измененном Федеральном законе от 25 июля 2002 г. (далее ФЗ) «О противодействии экстремистской деятельности» [12], представляет собой насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или от-

ношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг*.

* Перечисленные 12 пунктов экстремистской деятельности в основе своей представляют собой те или иные составы преступлений в Особенной части УК. Однако здесь нет полного соответствия. Например, в перечне есть пункт «воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения». Статья такая (141) в УК есть, но в ней нет признаков экстремизма. Эта статья ранее включалась в экстремистские деяния, но вместе с другими была исключена последующими изменениями ФЗ, которые не сопоставлялись с предыдущими законами, что внесло путаницу в правоприменительную практику.

Экстремистская организация понимается как общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным действующим федеральным законодательством, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, перечень которой был дан выше.

Экстремистские материалы – предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

В приведенном тексте описательного характера, который изложен в ст. 1 «Основные понятия» ФЗ, нет четкого и однозначного определения понятия экстремизма. Перечень различных аспектов экстремистской деятельности чрезвычайно велик и расплывчат. В УК РФ на начало 2009 г. также нет четкого понятия экстремизма и даже нет такого вида преступления. Но в УК РФ есть ст. 282-1 «Организация экстремистского сообщества», в примечании 2 к которой говорится: *«Под преступлением экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса и пунктом «е» части первой статьи 63 настоящего Кодекса»*. Но в этом примечании раскрывается лишь возможная мотивация экстремизма.

Мотивация преступного поведения является важнейшим криминологическим и в данном случае уголовно-правовым призна-

ком преступного деяния, но этот показатель является составной частью лишь субъективной стороны возможного преступления. Привлечение к уголовной ответственности за ту или иную мотивацию без бесспорной связи с объективной стороной, объектом и субъектом посягательства невозможно. Это ответственность за мысли. Но в УК есть ст. 289 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства», ст. 282-1 «Организация экстремистского сообщества», ст. 282-2 «Организация деятельности экстремистской организации». Кроме того, в УК имеется еще 12 (в большинстве своем бытовых) деяний, которые при их совершении по «экстремистской» мотивации тоже считаются экстремистскими: убийство – 105 п. «л»; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 111 ч. 2 п. «е»; умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью – 112 ч. 2 п. «е»; умышленное причинение легкого вреда здоровью – 115 ч. 2 п. «б»; побои – 116 ч. 2 п. «б»; истязание – 117 ч. 2 п. «з»; угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью – 119 ч. 2; нарушение равенства прав, свобод человека и гражданина – 136 ч. 1; вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления – 150 ч. 4; хулиганство – 213 п. «б»; вандализм – 214 ч. 2; надругательство над телами умерших и местами их захоронения – 244 ч. 2 п. «б».

Уголовная ответственность за эти деяния существовала со времени принятия УК 1996 г. Внесенные изменения в перечисленные статьи связаны с определенным усилением уголовной ответственности за так называемую «экстремистскую мотивацию» и ее сомнительную политизацию. Более того, в п. «е» ст. 63 в качестве отягчающего обстоятельства дословно воспроизводится «экстремистская» мотивация. Это означает, что при совершении любого преступления, если в его мотивации проглядывают мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, это деяние становится экстремистским.

Например, субъект совершил крупное мошенничество в отношении лица ненавистной ему социальной группы, сказав про себя:

«будешь знать, «олигархический жульнический отпрыск». Оно в соответствии с действующим уголовным законодательством, при наличии тех или иных доказательств, вполне может быть отнесено по признакуотягчающего обстоятельства к экстремистским деяниям. Мне возразят: это абсурд. Да, абсурд, но он вытекает из действующего российского законодательства. А ведь еще в 2003 г. ПАСЕ дало вполне приемлемое определение экстремизма: «экстремизм – это такая форма политической деятельности, которая прямо или косвенно отвергает принципы парламентской демократии» [5]. Это определение намного сужает уголовно наказуемую сферу экстремизма.

Итак, в действующем УК РФ существует 16 статей, на основании которых «виновные» могут быть привлечены за совершение экстремизма, – этого экзотического преступления. А при желании и все 260 статей Особенной части УК, если в мотивации проглядывает соответствующая ненависть как отягчающее обстоятельство.

Деяния, обусловленные неуважением к лицам иной национальности, религии, расе и т. д., в той или иной мере имеются в УК некоторых стран, но они *нигде не политизированы*. В уголовных законах других стран вообще нет такого неопределенного и политизированного понятия экстремизма, кроме Республики Беларусь (Закон РБ «О противодействии экстремизму» от 4 января 2007 г.) и УК Узбекистана (ст. 244-2 «Создание, руководство, участие в религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или иных запрещенных организациях»). Узбекский вариант более правовой. В кодексах других стран, например во Франции, Швеции, Литве, Болгарии, Испании, есть деяние «дискриминация».

А ведь в европейских или северо-американских странах между различными социальными, национальными, расовыми, этническими, религиозными и другими группами (классами) часто происходят настоящие кровавые бои. Виновные в их совершении несут административную или уголовную ответственность, но их не зачисляют в политические преступники, хотя они нередко настроены против властей, требуют смены правительства, отмены его решений, которые не удовлетворяют бунтовавших,

выступают против мигрантов, захватывают правительственные здания, громят помещения и т. д. Но в уголовном законодательстве этих стран нет статей об экстремизме и его политической мотивации. Таким образом, анализ уголовного законодательства России и других стран не дает достаточных оснований считать, что в правовом отношении российское понятие экстремизма отвечает фундаментальным требованиям теории и международной практики уголовного права. Не помогают и научные изыскания российских ученых, которые разрабатывают проблемы экстремизма [9, 22].

2. Криминализация экстремизма, ее политизация и избыточность

Еще в 1992 г. Ельцин на «Конгрессе интеллигенции России» пугал его участников: «Угроза фашизма реальна». Он, несомненно, имел в виду оппозиционеров его антинародной и неправомерной деятельности. Такая угроза для него действительно была, и база его оппозиции с годами росла, а его рейтинг в стране к середине 1990-х гг. достиг 5 %. Серьезной же социальной базы для фашизма, как массового социального явления в России, которая от него пострадала во время Великой Отечественной войны и его победила, не было и нет. Это, конечно, не исключает наличия в стране фашистских элементов среди социально незрелой и выброшенной из жизни молодежи и подростков и их идейных наставников. Но это не может быть необходимым основанием для «фашизации» страны. Тем не менее, в 1995 г. он и его обеспокоенное окружение предложило проект закона о внесении изменений и дополнений в уголовный и административный кодексы о криминализации и деликтолизации фашизма. Однако этот проект не стал законом. Эти порочные предложения не были реализованы и в новом УК РФ 1996 г.

Научные юридические учреждения, которым было это поручено, не смогли выработать адекватных правовых признаков термина «фашизм». Это можно было сделать лишь при его политизации. Но о фашизме не говорится даже в УК ФРГ в редакции 1871 г. с изменениями и дополнениями последних лет. Там есть глава третья «Угроза демократическому правовому государству» со ст. 84 (продолжение деятельности партии,

объявленной противоречащей Конституции), ст. 85 (нарушение запрета на объединение), 86 (распространение пропагандистских материалов организаций, являющихся неконституционными), 86а (использование знаков неконституционных органов) и 166 (оскорбление вероисповедания, религиозных обществ и мировоззренческих объединений). Как все точно и юридически ювелирно сказано! Германия не допустила «политизации» и «фашизации» своего уголовного законодательства. Она установила четкий конституционный порядок, и к ответственности привлекаются лица, которые его нарушают. Ельцинская же власть пыталась внести в УК политические формулировки оценочного характера, которые позволяли бы расправляться с идеологически неугодными противниками.

В 1995 г. Президент РФ издает указ «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма или иных форм политического экстремизма в Российской Федерации». В рамках действующего законодательства после появления этого указа под непонятными правовыми предлогами, но в плане борьбы с политическим экстремизмом было возбуждено 45 уголовных дел. Суд выдержали единицы. Это было бы возвратом к прошлому.

Все сказанное свидетельствует о том, что правящая политическая и экономическая элита уже в начале 1990-х гг. сознавала корыстную и антинародную направленность своей деятельности и в связи с этим понимала возможное оправданное недовольство со стороны народных масс. С 1995 г. она пыталась защитить себя уголовным кодексом от возможной народной ненависти, а публично от якобы надвигающегося фашизма. Но лишь в 2002–2003 гг. она добилась своего. *Криминализация экстремизма, еще более неопределенного понятия, чем фашизм, открывала неограниченные возможности борьбы против неприкаянной и брошенной молодежи и всех прочих инакомыслящих.* То, что в стране разграбили все народное достояние, голодом и холодом довели народ до депопуляции, ввергли в кровопролитную войну, убивали за пятак – это не политические деяния и вообще – не преступления, поскольку никто за содеянное еще не понес ответственности. А вот если 14-17-летние не

находящие в жизни места ребята из-за ненависти к грабителям оскверняют их здания – это политическое деяние. Хотя в действующем УК и до этих нововведений было достаточно норм по их наказанию, но без громких политических оценок.

В целях преодоления противоречий Фонд ИНДЕМ подготовил доклад о противодействии политическому экстремизму. В докладе говорится, что в действующем российском законодательстве нет понятия «экстремизм». И это хорошо, пишут аналитики. Одно дело – социологическое применение данного понятия и другое – использование его в целях принуждения. Из-за сложности юридической квалификации будет трудно доказать экстремизм. Поэтому авторы доклада – против прямого законодательного употребления терминов «фашизм», «большевизм», «сепаратизм», «экстремизм». Они полагают, что если «при расследовании насильственных преступлений правосознание следователя или судьи играет минимальную роль (главную играет доказательство вины), то (выделено мною. – В.Л.) *в юридической оценке правонарушений экстремистского характера именно правосознание – решающий фактор*» [3]. Нетрудно заметить, что эти новые «демократические» идеи Фонда «Информация для демократии» списаны с практики политических репрессий 20–30-х гг. XX в. Видимо, есть между теми и нынешними авторами какая-то общность, подогреваемая яростным стремлением определенных политических сил во что бы то ни стало осудить политическое инакомыслие вопреки федеральному закону. Но подобные действия являются *политическими злоупотреблениями*. Правовое демократическое государство на такой путь вставать не может. Нужны обоснованные недвусмысленные и неполитизированные правовые нормы.

В целях обоснования таковых была принята разработка федеральной программы по противодействию политическому и религиозному экстремизму на 1999–2000 годы [10]. В определение экстремизма вписали все, что только можно, что характеризует объективную сторону целого ряда преступлений против основ конституционного строя и против основ общественной безопасности в действующем УК РФ. Сочинители этой программы ломались в открытые ворота. Перечисленные в приведенной дефиниции действия уже

были определены в действующем УК (ст. 205, 277-282 и др.) только без порочной «шапки» политического экстремизма. Однако политический страх не давал покоя. Все вынашиваемые с первой половины 90-х гг. идеи были, наконец-то, реализованы в федеральном законодательстве, а затем нервночески последовательно и неправомерно расширялись, сужались, изменялись при доминирующем стремлении превратить исторически бытовые деяния в «политические». Так и начался слабо управляемый поток политизированной законодательной практики.

25 июля 2002 г. был принят основополагающий Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности». В нем неопределенный термин «фашизм» был заменен еще более неопределенным, но не несущим исторической гитлеровской нагрузки Великой Отечественной войны, – «экстремизм». В нем впервые были даны сомнительные понятия экстремистской деятельности, которые в последующем дополнялись, уточнялись и совершенствовались. Там были перечислены практически все формы антигосударственной деятельности, которые в значительной мере были уже криминализованы. К ним добавлены пропаганда и демонстрация нацистской атрибутики, публичные призывы к осуществлению антигосударственной деятельности, ее финансирование и т. п. Далее были расписаны основные принципы противодействия экстремистской деятельности, ее субъекты и принимаемые меры.

В этот же день был принят второй ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты РФ в связи с принятием ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [13]. Изменения и дополнения были внесены в ГПК РФ, в законы о милиции, о средствах массовой информации, об общественных объединениях, приостановлении их деятельности, их ликвидации, о благотворительной деятельности, о профсоюзах, об оружии, о таможенной службе, о свободе совести и о религиозных объединениях, о воинской службе, о политических партиях и т. д. В УК были внесены ст. 282-1 «Организация экстремистского сообщества», ст. 282-2 «Организация деятельности экстремистской организации». Соответствующие изменения внесены в УПК РФ и КоАП РФ.

Практика порочного законотворчества показала недостаточность этих новелл. 8 декабря 2003 г. был принят ФЗ «О внесении изменений и дополнений в УК РФ» [14]. Закон внес в УК 257 изменений и дополнений в Общую и Особенную части. *Борьбе с экстремизмом* были посвящены статьи о нарушении равенства прав и свобод человека и гражданина, хулиганстве, причинении вреда здоровью, незаконному обороту оружия, возбуждении ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства, нападения на лиц и учреждения, находящиеся под международной защитой, и т. д.

21 июля 2004 г. принимается новый ФЗ «О внесении изменений в УК РФ» [15], в котором существенно пересматриваются санкции 19 статей Особенной части, в том числе тех, которые предусматривали ответственность за экстремистскую деятельность. Некоторые вопросы касались уголовных наказаний. Технически в санкциях статей смертная казнь стояла перед пожизненным заключением. Во всех статьях этот порядок поменялся. Это, видимо, должно свидетельствовать о демократичности изменений нашего УК.

Идея эффективной борьбы с экстремизмом не давала покоя определенным кругам в Госдуме. 27 июля 2006 г. принимается новый закон «О внесении изменений в статьи 1 и 15 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [16]. В нем пересматриваются основные понятия экстремизма, которые не всегда согласуются с нормами предшествующих антиэкстремистских законов. Статья 15 ФЗ дополняется четвертой частью, сужая правомерную деятельность: «Автор печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных материалов (произведений), предназначенных для публичного использования и содержащих хотя бы один из признаков, предусмотренных ст. 1 настоящего ФЗ, признается лицом, осуществлявшим экстремистскую деятельность и несет ответственность в установленном ... порядке».

В этот же день 27 июля 2006 г. был принят ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» [17] в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и ФЗ «О противодействии терроризму». Этот закон касается проблем противодействия и предупреждения терро-

ризма, которые аналогичны и близки противодействию экстремизму. Неслучайно некоторые авторы полагают, что терроризм – составная часть экстремизма в широком понимании слова. С этим я согласиться не могу, но отрицать их криминологическую близость нет оснований. Поэтому вполне обоснованно в рассматриваемом законе о терроризме некоторые явления рассматриваются в их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

10 мая 2007 г. был принят очередной ФЗ «О внесении изменения в ст. 13 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [18]. Эта статья предусматривает ответственность за распространение экстремистских материалов. Установление наличия в информационных материалах соответствующих признаков осуществляется федеральным судом по месту обнаружения и распространения таких материалов на основании представления прокурора.

24 июля 2007 г. принят новый ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» [19]. ФЗ вносит изменения в целый ряд законов о средствах массовой информации, о федеральной службе безопасности, об оперативно-розыскной деятельности, в УПК РФ, в КоАП РФ и в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Именно в этом новом законе была дана окончательная формулировка понятия экстремистской деятельности, которые приведены нами в начале статьи. В законе раскрывается порядок объявления перечня общественных и религиозных организаций, деятельность которых приостановлена или запрещена, а также вводится ст. 13 об ответственности за распространение экстремистских материалов и вносятся существенные изменения в 12 статей, которые уже перечислялись.

Характерной особенностью этого закона было то, что он серьезно изменил содержание ст. 282-1. В редакции ФЗ от 25 июля 2002 г. «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты РФ в связи с принятием ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» ч. 1 этой статьи читалась: «Создание экстремистского сообщества, то есть организованной группы лиц для подготовки и совершения по мотивам идеологичес-

кой, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы преступлений, предусмотренных статьями 148, 149, частями первой и второй статьи 213, статьями 214, 243, 244, 280, и 282 настоящего Кодекса (преступления экстремистской направленности), а равно руководство таким экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности ...». ФЗ от 24 июля 2007 г. выбросил часть статьи, приведенной выше курсивом, и заменил выброшенное словами «преступлений экстремистской направленности».

Статьи 148 – воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий; 149 – воспрепятствование проведению собрания, митинга демонстрации, шествия, пикетирования или участия в них*; 143 – уничтожение или повреждение памятника истории и культуры вдруг перестали быть экстремистскими. В итоге в УК РФ осталось 16 различных статей, которые прямо и непосредственно предусматривают уголовную ответственность за экстремизм. Такой усердной законотворческой работы не удавалось ни одно деяние во всех УК России. Было бы отрадно, если бы в основе различных изменений лежали глубокие научные исследования. Этого не было и в помине. Основой была политическая демагогия. Это беспрецедентно!**

Сепаратизм, публичные призывы к игнорированию федеральных законов, к отделению от государства, национальная, религиозная вражда, унижение национального достоинства, а равно пропаганда исключительности, превосходства

* Основным препятствием для проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий, пикетирования являются сами власти. И видимо, они это осознали.

** Коррупцией в России был озабочен весь мир более 20 лет. Коррупция не теоретически, а практически разрушала государство. И лишь через 20 лет принят закон о противодействии коррупции, однако УК РФ практически не изменился, хотя многие реально коррупционные составы до сих пор не криминализированы. Здесь политический подход совсем иной.

либо неполноценности граждан по национальному и религиозному признаку в отечественном законодательстве всегда были уголовно наказуемыми. В многонациональной стране жизненным может быть лишь один подход: соблюдение равных прав всех народов при их широкой культурно-национальной автономии, где есть место для здорового патриотизма любой нации. Но ныне особо распространены и общественно опасны антисемитизм и русофобия с их взаимными обвинениями, которые лишь нагнетают и русофобию, и антисемитизм. Антисемитские высказывания связаны с клеймением евреев и сионизма (к слову сказать, – это особая разновидность патриотизма), а русофобские – с клеймением русских и русского патриотизма [7, 21]. Но отношение к ним со стороны некоторых владельцев СМИ неоднозначное. Первое вызывает обоснованный гнев, второе – необоснованное одобрение. А. Солженицын цитирует самарского рабочего: «Русских кругом притесняют. А чуть русские за себя застаивают – сразу: фашизм!» [20, с. 12]. Ниже я приведу реальные статистические данные.

В Интернете много отзывов на законодательство о противодействии экстремизму.

Со времен последних лет перестройки особо модным и политически продуманным для некоторых сил стало хулить патриотизм вообще и русский патриотизм в особенности. Нередко это делается с мошеннической ссылкой на русских писателей, приписывая одни и те же извращенные слова, то Л.Н. Толстому, то Ф.М. Достоевскому*. Рус-

* Слова: «Патриотизм – последнее прибежище негодяя» принадлежат Сэмюэлю Джонсону (английскому писателю и лексикографу), который их произнес в беседе с Джеймсом Босуэллом 7 апреля 1775 г. (Дж. Босуэлл. Жизнь Сэмюэля Джонсона 1791. С. 198). И они означали то, что негодяю в свою защиту порой нечего сказать, кроме слов, что он патриот. Это и есть его последнее прибежище, последний трудно проверяемый аргумент. А российская демшиза, обворовывая свой народ, употребляет где-то услышанные слова в качестве бесспорного доказательства своей правоты. Хотя справедливость многозначного значения этого слова требует сказать, что о патриотизме некоторые выражались и нелестно. Амброз Бирс (американский писатель), например, полагал, что патриот – игрушка в руках государственных мужей и орудие в руках завоевателей. Станислав Ежи Лец (польский писатель) считал, что любовь к родине не знает чужих границ. Мой патриотизм, говорил Махандас Ганди (индийский мыслитель), – это не замыкание на одной нации; он всеобъемлющ, и я готов отказаться от такого патриотизма, который строит свое благополучие на эксплуатации других. Из приведенных высказываний видно, что понимание патриотизма тесно связано с той обстановкой, в которой он высказывался.

ский патриотизм часто употребляется с приставками «социал» или «национал» и ставится рядом с фашизмом. Это – не заблуждение. Опошлить русский патриотизм для определенных сил, с которыми действительно надо вести уголовно-правовую борьбу, является одной из главных задач. Это означает окончательно растворить «социальный клей» нации, который и так никогда не был сильным в русском народе, в отличие, например, от арабов, евреев и других народов. «Клеймо «фашизма», а сейчас и «экстремизма», как в свое время было клеймо «классовый враг», «враг народа», действует в виде успешного приема, чтобы сбить с толку, «заткнуть» рот оппоненту, навлечь на него репрессии. А припечатывать по обстановке [20, с. 150]. Но это и есть прямая провокация к межнациональным политическим конфликтам. Поношение русского патриотизма лишь укрепляет праворадикальные движения, особенно в ситуации глубокого экономического и политического унижения большей части народа. А может быть, существование таких организаций в первую очередь нужно тем же самым силам? Ведь для собственного укрепления нужен враг. Благодаря ему, укрепляются и они.

На сайтах изложены самые разные взгляды. А.Н. Кольев озаглавил свои заметки «Вредный закон». Он полагает, война против экстремизма по данному закону всегда будет носить характер политического заказа, согласно которому станут изживать не экстремизм, а некую организацию, на которую укажет власть. Это особенно опасно, поскольку в самой власти присутствует экстремистское отношение к русской нации [4]. С такими суждениями трудно согласиться, но и отбрасывать их в прогностическом плане недопустимо.

А. Солженицын в книге «Россия в обвале» обоснованно пишет: «Патриотизм – достояние многих стран, в том числе всех европейских, патриотизм – начало, объединяющее народ и никак не отделяющее от человечества... Приняв понятие гражданского патриотизма, нельзя упустить патриотизма национального. В странах однонациональных тот и другой едины суть. В странах многонациональных, как наша, национальный патриотизм есть составная и подкрепляющая часть общегражданского...

В Соединенных Штатах патриотизм стоит высоко. Не только никто его не стыдится, но Америка дышит своим патриотизмом, гордится им – и разные народные группы сливаются в нем едино» [20, с. 152–153]. Но самый высокий уровень патриотизма у евреев. Он заключен в сионизме [6]*. И если в советское время сионизм приравнивали к международному терроризму, то сейчас он обретает гражданственность. Почему же так ненавистен русский патриотизм?**. А ведь «патриотизм, – как полагает известный русский писатель Ю. Поляков, – это всего лишь порядочность по отношению к собственной стране» [8].

Нельзя не напомнить и о том, что до 2002–2003 гг. в УК РФ 1996 г. и в УК РСФСР 1960 г. была уголовная ответственность за пропаганду исключительности или неполноценности граждан по религиозному, национальному или расовому признаку (ст. 74 УК РСФСР). В новых изменениях и дополнениях

* С 2005 г. по поводу выхода иудейского свода законов «Кицур Шульхан Арух», который был воспринят в России как оскорбление, идет настоящая борьба с привлечением прокуратуры и судов между историком М.В. Назаровым (написавший еще и книги «Тайна России» и «Жить без страха иудейска!»), патриотически настроенными православными россиянами и представителями еврейских религиозных организаций [11]. Основной же закон для иудеев – Тора. Профессор Г. Брановер в предисловии к Торе пишет: «Основой же всей Торы является Хумаш. По еврейскому обычаю Хумаш не только изучают, с ним соразмеряют все свои решения и поступки, весь ход жизни. Само слово «Тора» означает «указание», «руководство к действию», которое верующие евреи точно выполняют». Это ли не основа своеобразного патриотизма, именуемого сионизмом.

** Очень критически относясь ко многим откровениям Жириновского, я, тем не менее, приведу одно из них: «У «демократов» стало гнусной традицией говорить о «фашизме» всякий раз, когда речь заходит о проблемах русского народа, и понятно почему. Сейчас руками агентов влияния Запада, разваливших страну и ее экономику, осуществляется открытый геноцид против русского народа... Каждый год из-за безработицы, нищеты и голода в «ограбленной» демократами стране русское население уменьшается на два миллиона. Больше всего на свете «демократы» боятся, что русский народ встанет, наконец, в свой великий рост и погонит их в шею. Поэтому любые словосочетания со словом «русский» вызывают у «демократов» животный страх, и они злобно, по-змеиному шипят: «фашизм», «шовинизм» [1, с. 37–38]. При всем остро критическом отношении к автору, следует признать, что эти слова Жириновского в 1997 г. были почти пророческими. Русский и российский народ в целом начал вставать с колен и на думских (2003 г.), и президентских (2004 г.) выборах действительно «в шею погнал» политически обанкротившихся псевдодемократических политиков.

это было исключено***. Что было сомнительным, но, видимо, не случайным решением. Пропагандировать такую исключительность или неполноценность было дозволено, и они явно и чаще всего имплицитно проявляются в средствах массовой информации. О русских, например, нередко можно было слышать на всю страну обобщающие оценки: совок, пьянь, «дураки и дороги» и т. д. Есть ли факты для этого. Есть. Но я мог бы на большом криминологическом материале национального и транснационального характера показать и другие значимые и устойчивые статистические тенденции: представители некоторых народов, например, особо отличаются в крупных аферах и мошенничествах, других – в вымогательствах, третьих – в торговле людьми, четвертых – в грабежах и разбоях и т. д. Английский писатель Дж. Конрад, полагая, был прав, когда сказал, что «каждая нация известна в мире главным образом своими пороками». Но эти ярлыки навешивать на народы вообще не только не обоснованно и неправомечно, но и криминогенно. Именно криминогенностью мы и озабочены. В криминологии на этот счет есть целая теория стигматизации****.

*** В последнем законе № 148 о противодействии экстремизму (июль 2007 г.) в ст. 1 «Основные понятия» записано, что «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии» была вновь восстановлена, но в УК РФ эта норма в своем прямом назначении не вошла.

**** Окончание статьи см. в следующем номере журнала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жириновский В. Спасем Россию. — М., 1997.
2. Зайналабидова А.С., Черноус В.В. Политический экстремизм и его профилактика у студенческой молодежи Дона. URL: <http://ippk.edu.mhost.ru>
3. Как обуздать политический экстремизм // Рос. газ. — 1998. — 30 дек.
4. Кольев А.Н. Заметки об экстремизме. Вредный закон [Электронный ресурс]. URL: http://www.zlev.ru/34_5.htm
5. Материал из Википедии — свободной энциклопедии. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
6. Назаров М. В поисках экстремизма. Экстремизм, евреи и «православный» президент Путин (фашизм от «Шулхан Арух») // Завтра. 2002. № 30, 31 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.blagoslovenie.ru/client/progochestva/7.htm>
7. Ноздратенко Е. Россия не «ниша», а наша! // Рос. газ. — 1998. — 5 дек.
8. Поляков Ю. Государственная недостаточность // Лит. газ. — 2004. — 2 окт.
9. Романов Н.А. Политический экстремизм как угроза безопасности страны. — М., 1997.
10. Российская газета. — 1999. — 3 февраля.
11. Сайт URL: <http://www.russia-talk.com>
12. Собрание Законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 30, ст. 3031.
13. Собрание Законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 30, ст. 3029.
14. Собрание Законодательства Российской Федерации. — 2003. — № 50, ст. 4848.
15. Собрание Законодательства Российской Федерации. — 2004. — № 30, ст. 3091.
16. Собрание Законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 31, ст. 3447.
17. Собрание Законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 31, ст. 3446.
18. Собрание Законодательства Российской Федерации. — 2007. — № 21, ст. 2457.
19. Собрание Законодательства Российской Федерации. — 2007. — № 31, ст. 4008.
20. Солженицын А. Россия в обвале. — М., 1998.
21. Ступишин В. Нет, не распадется Россия, если... // Рос. газ. — 1999. — 13 янв.
22. Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов н/Д., 2003.